

УДК 185(47+57)

Г. Е. Селиверстова

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Х. ВОСТОКОВА В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЭПОХИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА: К МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОКАМ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В статье рассматривается деятельность поэта и ученого-энциклопедиста А. Х. Востокова в общей парадигме научного знания конца XVIII – первой половины XIX века. Творчество А. Х. Востокова обнаруживает корреляции с

важнейшими научными идеями эпохи в лингвистической и стиховедческой сферах его научной деятельности.

Ключевые слова: А. Х. Востоков, эпистема, метапоэтика, рецепция, просветительство.

G. E. Seliverstova

**THE ACTIVITY OF A. KH. VOSTOKOV IN EPISTEMOLOGICAL FIELD OF XVIII –
EARLY XIX c.: TO THE METHODOLOGICAL SOURCES OF PHILOLOGY**

The article deals with the activity of a poet and encyclopaedist A.Kh. Vostokov in the general scientific framework in XVIII – early XIX c. A.Kh. Vostokov's works directly correlate with

А. Х. Востоков – основатель сравнительного изучения славянских языков, автор знаменитой «Русской грамматики» и новаторского «Опыта о русском стихосложении», является создателем методологии современной национальной филологической науки. Исследователь применил к народному стиху новый, интонационный, анализ стихотворной речи, установил прямую зависимость стихотворного строя от свойств языка. С помощью сравнительно-исторического метода, положившего начало научному изучению славянских языков, Востоков совершил ряд фундаментальных открытий в области языкознания: определил отличительные признаки праславянского, церковно-славянского, старославянского и русского языков, древнеболгарскую природу старославянского языка, описал значение носовых гласных в старославянском языке, гласную природу -ь и -ъ, объяснил образование окончаний в прилагательных, доказал отсутствие в церковно-славянском языке деепричастий и наличие супина.

Основу исследования творчества ученого представляет рассмотрение его деятельности в эпистемологическом пространстве эпохи. По словам Е. А. Баженовой, «работу сложного механизма» науки обеспечивает текст, отображающий «взаимодействие од-

the most relevant ideas of the epoch as regards linguistics and prosody.

Key words: A.Kh. Vostokov, episteme, metapoetics, reception, enlightenment.

ного этапа в развитии отрасли знания с последующим»: «Среди экстралингвистических факторов, оказывающих систематическое влияние на процесс текстообразования в научной сфере и характер смысловой структуры произведения, важнейшую роль играют компоненты научно-познавательной деятельности, обобщенные в понятии эпистемической ситуации» [1: [б.и.], 26]. М. Фуко определяет эпистему как исторически изменяющуюся структуру, возникающую в определенный период времени и объединяющую принципы мышления [12, с. 11]. В основании эпистемы лежат «глубокие идеи», способствующие наиболее адекватному анализу художественного и научного творчества.

Как отмечает К. Э. Штайн, начало XIX века является этапом «восприятия и усвоения», когда «определяются особенности становления русской поэтической системы, усвоение ею собственной народной традиции и европейских достижений в стихосложении» [14, с. 21]. Рефлексия автора, посвященная осмыслению собственного творчества и творчества других художников слова, совокупность представлений о языке, о художественном мышлении, обозначаемая термином «метапоэтика» [13, с. 13], отражает тесную связь идей автора с эпистемологическим пространством

эпохи. Метапоэтика А. Х. Востокова, т. е. система его представлений о творчестве, демонстрирует характерную для того периода времени черту: в атмосфере экспериментов над словом поэт одновременно представлял как ученый, осмысливающий свое и чужое творчество в трактатах, стихах о поэзии. В ходе метапоэтических полемик, экспериментов в области поэзии и рефлексии над ней складывались поэтические стили, инструментарий, техника стиха.

Конец XVIII – первая треть XIX в. – начало так называемой «современной» эпистемы, для которой М. Фуко определяет историю в качестве основного способа бытия предметов познания [12, с. 15]. Познание нацеливается на изучение организации, внутренних связей элементов, обеспечивающих функционирование объекта [12]. В различных областях знания происходят явления одного порядка: ценность объекта определяется уже не только другими объектами, а его внутренними связями, свойствами, функциями, областями, не сводимыми к представлению объекта в действительности – трудом (в экономике), органической структурой существа (в биологии), способом изменения самих слов вследствие их взаимозависимого грамматического положения – флексией (в грамматике).

Творчество А. Х. Востокова органично входит в эпистемологическое пространство своей эпохи и коррелирует с крупнейшими научными идеями своего времени. Мировоззрение Востокова было сформировано на основе идей эпохи Просвещения с ее верой в человеческий разум, тексты Востокова о творчестве содержат установки на художественное и научное познание как неотделимые процессы, характеризующие личность поэта. «Истинная наука», «истинное просвещение», по словам Востокова, – «путь здравого смысла и добродетели» [2, с. 39]. Философским ориентиром последователей А. Н. Радищева, в том числе и Востокова, были идеи немецкого философа, просветителя, искусствоведа, писателя И. Г. Гердера. Согласно Гердеру, «язык – это и орудие науки и одна из ее составных частей» [5, с. 117]. А. Х. Востоков, являющийся членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», в своих поэтических текстах выражал философские и политические идеи русского просветительства, ставил задачу создания гражданской и философско-науч-

ной поэзии, отвечающей критерию «пользы»: поэзии присваивалась задача служить средством выражения конкретной философской, моральной, социально-политической либо научной мысли. Востоков в своем поэтическом творчестве дает завет «из источников науки нектар пить» [4, с. 263].

XVIII век в России прошел под знаком реформирования русского литературного языка и поисков новых форм стиха, что отразилось в теоретических изысканиях того времени. «Опыт о русском стихосложении» (1812) А. Х. Востокова стал первым исследованием лингвистических особенностей размера русского народного стиха. Трактат отображает научный подход в формировании теории русского стихосложения, основанный на глубоком и всестороннем изучении фольклорной природы русского стиха в сопоставлении с другими системами стихосложения.

Новаторская работа А. Х. Востокова в деле образования русского стиха шла в двух направлениях. С одной стороны, он утверждал формы античной лирической поэзии: в «Опытах лирических» «он показал образцы стихов Сафического, Алкейского, Егегического, и говорил с восторгом о произведениях германской словесности, дотоле неизвестных, или неуважаемых» [15, с. 88]. С другой стороны, внимание Востокова привлекали литературная обработка и имитация стиховых форм русской народной поэзии. Реформирование русского стихосложения, начатое

В. К. Тредиаковским, М. В. Ломоносовым и продолженное А. Х. Востоковым, фиксирует переход от силлабики к силлабо-тонике. Ломоносов заимствовал античные названия для размеров, образцы которых были им даны в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739). Он критически изучил трактат Тредиаковского «Новый и краткий способ», оценил главное его достоинство – обращение к стопному стиху, установил на равных основаниях хореический, ямбический, трехсложные дактилический и анапестический размеры. Однако он не смог до конца преодолеть «своеобразное сопротивление естественных фонетических свойств языкового материала» [7, с. 25]. Именно Востоков в «Опыте о русском стихосложении» обосновал частичное несоответствие метрической системы свойствам русского языка, глубоко и с привлечением опыта предшественников и современников

проанализировал методы преодоления этого несоответствия, нормы замены метрических стоп пиррихием. По его мнению, Ломоносов европеизировал русское стихосложение (обратившись к «немецким образцам»), свойства русского языка допускают употребление только определенных размеров – ямба, хоря, дактиля, амфибрахия и анапеста [14, с. 106].

При этом Ломоносов не ориентировался на фольклорный стих, Востоков же обосновал возможности тонической системы стихосложения, классифицировал Русские народные стихи, определил для каждого из их типов наиболее подходящее содержание. В противоположность Тредиаковскому, также ориентировавшемуся на народно-песенную ритмику, Востоков предложил размерять стих не стопами, а прозодическими периодами, состоящими из нескольких слов и обозначающими одну «нераздельную купу мыслей» [3, с. 99]. Таким образом, обратившись к фонетическим свойствам русского языка, используя лингвистическую терминологию для обоснования тонического характера народного стихосложения, Востоков заложил основы интонационного анализа стиха: «Когда слова занимают свое место в периоде или в стихе, хотя нередко по связи мыслей, ими изображаемых, сливаясь одни с другими как бы в один состав, теряют они либо усиливают свое ударение на счет ближестоящих» [3, с. 98–99]. Прозодический период – единица, объединяющая несколько слов на основании не только ударения (тактового в современной терминологии), но и смысла (означает «нераздельную купу мыслей»), таким образом, автор обращается к содержательным особенностям стихотворной речи, ее семантике.

В области науки о языке исследования А. Х. Востокова опирались на опыт западноевропейских и отечественных ученых. Труды Востокова по российской словесности («Русская грамматика, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная» (1831), «Словарь церковно-славянского языка» (1858–61), «Опыт областного великорусского словаря» (1852) с «Дополнением...» (1858), «Описание словенских рукописей Румянцевского музеума» (1842) содержат авторские установки, в совокупности составляющие авторский взгляд на язык, функционирование его в поэтическом тексте, отражение в языке народно-го миропонимания.

В XIX столетии в лингвистике в связи с открытием санскрита зарождается сравнительно-историческое направление. По словам Е. Семереньи, ученые (А. Л. Шлёцер, Х. Я. Краус) уже в середине XVIII века близко подходили к формулированию основных положений метода [8].

И. Г. Аделунг в 1781 г. сформулировал точные критерии разных степеней родства, выдвинув требования сравнивать грамматические структуры, а также корни и их значения, то есть словарный состав. Началу нового направления в языкознании содействуют труды Расмуса Раска, Якоба Гримма и Франца Боппа. Раск обосновывает важность этимологии как объяснения языка: проследить историческое развитие языков поможет не сходство отдельных слов, но разработка всей грамматической структуры, так как грамматическое соответствие является более надежным признаком родства языков. Ф. Бопп в работе «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германских языков» (1816) рассматривает одну сторону языка – глагольную флексию; путем сравнения форм различных языков он показывает, что эти формы в основном общие, а следовательно, указывают на общее происхождение [9, с. 58].

Отечественные языковеды в первой половине XIX века ставили целью закрепить нормы русского литературного языка, сформировать грамматическую терминологию современного русского языка. Выдвигалась идея о том, что использования материала только одного русского языка недостаточно для исчерпывающего его изучения, необходимо найти и систематизировать общие и различные черты, имеющиеся в русском и других языках [11]. Возникновение сравнительно-исторического языкознания в России связывают с именем А. Х. Востокова. В статье «Рассуждение о славянском языке» Востоков разрешил ряд основных вопросов славянской филологии, установив деление на периоды в истории славянского и русского языков, выяснив отношения языка древнерусского к церковно-славянскому, а также польскому и сербскому, определив звуковое значение юсов путем сопоставления форм из Остромирова Евангелия с формами польского языка. В более поздних лингвистических трудах ученый последовательно применяет сравнитель-

но-исторический метод, его приемы входят в структуру метаязыка произведения. Так, в описаниях рукописей прослеживается постоянное сравнение фактов русского языка (называемого автором *новый, позднейший, язык народа Русского*) и церковно-славянского (*богослужебный, книжный, древний, церковный, Словенский, старинный*), с привлечением данных диалектов Паннонского, Болгарского, Моравского, Сербского, Краинского, Валахского, Хорустанского. Сравнительное изучение языков поставило вопрос о связи языка с формированием народного духа. Это своего рода «глубокая идея», ставшая краеугольным камнем научного мышления того периода и определившая ход языковых исследований. Востоков идею воплощения национального характера в языке затрагивал в связи с описанием памятников письменности («Остромирова Евангелия») и составлением диалектологического словаря. Эта проблема была поставлена в трудах мыслителя и лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта. Он ввел понятие «внутренняя форма языка», вкладывая в это понятие идею «духа народа», заключенного в строе его национального языка. Внутренняя форма выступает посредником между звуком и понятием, образует принцип развития данного языка [6, с. 100]. А. Х. Востоков считал обращение к внутренней форме слова необходимым условием правильного понимания текста. Исследуя текст Фрейзингенской рукописи, Востоков обращается к внутренней форме слова *Бали, балии; Балование*: «Балование (*balouvanige*, III, 92), врачевание. В древнем болгарском переводе оглашений св. Кирилла Иерусалимского (по списку XVII в.) встречается слово *балованіе* в значении врачевания... Собственное значение слова *балій*, происходящего, как кажется, от глаг. *баю*, есть обаятель, тот, кто заговаривает, нашептывает. Так употреблено слово *сие* в старинном переводе книги Даниила Пророка... Известно, что у народов непроясненных должность врача и

обаятеля или колдуна (шамана) обыкновенно соединяется в одном лице. Фрейзингенский миссионер не нашел, вероятно, для выражения понятия о враче, другого слова в языке словен своей епархии» [10, с. 29]. Востоков проводит тщательный лингвистический анализ, включающий в себя обращение к этимону слова, осознаваемому носителями языка. Исследователю важно привести не просто значение слова, а раскрыть его внутреннюю форму, чтобы объяснить такой ход переводчика рукописи – приращение слову непривычного значения. Востоков приводит значения слов со сложной структурой представлений, требующих реконструкции внутренней формы с целью познать слово в его глубинной сущности.

Рассмотрение художественного текста во взаимосвязи с метапоэтическими данными, включение их в эпистемологическое пространство эпохи нацеливает исследователя на адекватное прочтение и понимание текста. Метапоэтические идеи А. Х. Востокова тесно взаимодействуют с важнейшими политическими и философскими вопросами своего времени: общими идеями эпохи Просвещения с ориентацией на научное познание, философией языка И. Г. Гердера, исследованиями Р. Раска, Ф. Боппа, Я. Гримма, реформированием стихотворной речи в трудах А. Н. Радищева, М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского. Вывод о необходимости соответствия стихосложения свойствам русского языка привел ученых к мысли обратиться к опыту русского устного народного творчества и подготовил появление «Опыта...», в котором исследуются особенности русского народного стиха и обосновывается применение народных русских размеров в современной поэзии. Труды западноевропейских лингвистов подготовили почву для развития сравнительно-исторического языкознания в России, обоснования этого метода («Рассуждение...») и лингвистических открытий Востокова.

Литература

1. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». Вып. 5. 2009. С. 24–31.
2. Востоков А. Х. Дневник 1807–1811 годов // В. И. Срезневский Заметки Александра Христофоровича Востокова о его жизни // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. Т. LXX. С. 725–837
3. Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. Изд. 2-е, значительно пополненное и исправленное. СПб.: Морская Типография, 1817. 158 с.

4. Востоков А. Х. Стихотворения // Поэты-радищевцы (И. Пнин, В. Попугаев, И. Борн, А. Востоков) / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. В. Н. Орлова. Изд. 3-е. Библиотека поэта. Малая серия. Л.: Советский писатель, 1961. С. 208–369.
5. Гердер И. Г. Избранные сочинения. М. – Л.: Госполитиздат, 1959. 392 с.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 37–284.
7. Калачева С. В. Художественный метод и стихотворная форма в эпоху романтизма // Творческие методы и литературные направления / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. М.: Изд-во МГУ, 1987. 203 с.
8. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Едиториал УРСС, 2002. 400 с.
9. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М.: Едиториал УРСС, 2004. 160 с.
10. Филологические наблюдения А. Х. Востокова / Изд. И. Срезневский. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1865. 426 с.
11. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс. М.: КРАСАНД, 2010. 184 с.
12. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сad, 1994. 407 с.
13. Штайн К. Э. Метапоэтика А. С. Пушкина // Пушкинский текст: сборник статей научно-методического семинара «Textus». СПб. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 8–15.
14. Штайн К. Э. Петренко Д. И. Метапоэтика: «размытая» парадигма // Русская метапоэтика: учебный словарь. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. С. 17–36.
15. Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. М.: Наука, 1973. 248 с.